УДК 320.01

Бакшеева Елена Борисовна – канд. ист. наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального строительства факультета дополнительного профессионального образования Дальневосточного института-филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Хабаровск). *E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru*

Elena Borisovna Baksheeva – Candidate of History, lecturer of the chair of the state and municipal construction of the faculty of additional professional education of the Far-Eastern institute – FGBOU VPO branch "The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation" (Khabarovsk). *E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru*

E.B. Baksheeva

Orthodox associations and the clergy in the Far East of the RSESR in the period of the antireligious campaign of 1958-1964

The article deals with the analyses of reasons of realization, basic directions and productivity of the antireligious campaign and the church reform of 1958 – 1964 in the Far East of the RSFSR.

Keywords: Council on affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, the Russian Orthodox Church, reform, religious associations, parishes, clergy, believers.

Православные объединения и духовенство Дальнего Востока РСФСР в период антирелигиозной кампании 1958 – 1964 гг.

В статье проанализированы причины проведения, основные направления и результативность антирелигиозной кампании и церковной реформы 1958 – 1964 гг. на Дальнем Востоке РСФСР.

Ключевые слова: Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, Русская Православная Церковь, реформа, религиозные объединения, приходы, духовенство, верующие.

История государственно-церковных отношений является одной из приоритетных тем современной отечественной историографии. Интерес к проблеме обусловлен сменой устоявшихся идеологических стереотипов, выработанных советской исторической наукой, а также общественно значимой позицией, занимаемой сегодня Русской Православной Церковью и её организациями в жизни российского общества.

В ходе изучения религиозной политики государства в советский период научный интерес был проявлен к основным направлениям и особенностям внутриполитического курса Н.С. Хрущёва, когда, вопреки надеждам Московской Патриархии и верующих граждан страны на либерализацию государственно-церковных отношений, глава государства перешёл к ужесточению антирелигиозных мер. «Последняя атака на Церковь» привела к тому, что с 1958 по 1964 гг. количество храмов и молитвенных домов в СССР сократилось с 13324 до 7551 [1. С. 116, 124], монастырей – с 56 до 16 [2. С. 443]. Данная политическая линия сказалась и на положении православных приходов, священнослужителей и верующих Дальневосточного региона.

Открытие культовых зданий Русской Православной Церкви здесь продолжалось с 1943 по 1948 гг. Если к 1 января 1949 г. в СССР были зарегистрированы 14477 церквей и молитвенных домов, в том числе 3185 на территории РСФСР [3. Д. 180. Л. 22], то на Дальнем Востоке РСФСР – только 11. В г. Хабаровске действовали 2 религиозных объединения, в гг. Благовещенске, Свободном, Белогорске[1] и пос. Магдагачи Амурской области – 4, в гг. Владивостоке, Уссурийске[2], Спасске, Сучане и пос. Лазо Приморского края – 5. С июня 1949 г. приходы Хабаровской епархии[3] были переданы во временное управление архиепископа Иркутского и Читинского Палладия (Шерстенникова) [3. Д. 472. Л. 22].

К середине 1950-х гг. на Дальнем Востоке РСФСР активизировалась деятельность религиозных общин и духовенства. В зарегистрированных культовых зданиях службы проходили регулярно, увеличилась их посещаемость, особенно в дни православных праздников, выросло и количество обрядов. Так, в 1956 г. только в Свято-Никольской церкви г. Владивостока были окрещены 3288 чел., в том числе 3210 детей, в 1957 г. – около 4000 детей [4. Л. 53]. В 1956 г. в двух церквях Хабаровского края совершены около 1400 крещений детей [5. Д. 4. Л. 13], в 1958 г. – 2367 крещений, 13 венчаний и 1163 отпеваний [5. Д. 18. Л. 5]. Данные факты свидетельствовали об укреплении авторитета православного вероучения среди дальневосточников.

В церквях и молитвенных домах региона увеличился штат служителей культа. В 1955 г. в Приморском крае служили 8 чел., в 1956 г. – 9 чел., в 1957 г. – 11 чел. [4. Л. 52]. В 1956 г. Христорождественскую церковь обслуживали 3 священника (два из которых закончили духовные семинарии), диакон и псаломщик, Александро-Невскую церковь – священник, диакон и псаломщик [5. Д. 4. Л. 8, 12], в культовых зданиях Амурской области служили 4 священника, в 1957 г. – 4 священника и диакон [6. Л. 29].

---

[1] С 1935 по 1957 г. – г. Куйбышевка-Восточная.

[2] С 1935 по 1957 г. – г. Ворошилов.

[3] С декабря 1945 г. по 1948 г. епархию возглавлял епископ Венедикт (В. В. Пляскин), с 1948 по июнь 1949 г. – епископ Гавриил (Д. И. Огородников) // Сердюк, М. Б. Православные епархии, епископы и монастыри на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XXI веков // Религия и власть на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2001. С. 367.

Действовавшие церкви и молитвенные дома существовали за счёт средств, поступивших от продажи свечей, предметов культа, совершения обрядов и др. Конечно, их доходность (по сравнению с молитвенными зданиями центральных областей страны) была незначительной, но она постоянно росла. Так, доходы Свято-Никольской церкви г. Владивостока в 1955 г. составили 600 тыс. руб., в 1956 г. – 720 тыс. руб., в 1957 г. – 900 тыс. руб. [4, л. 54, 55]. К 1 октября 1958 г. в Свято-Благовещенскую церковь г. Благовещенска поступили 163205 руб., в 1959 г. предполагалось собрать на нужды храма более 200 тыс. руб. [7. Д. 1044. Л. 7].

Полученные денежные суммы направлялись на ремонт и строительство культовых и хозяйственных помещений, покупку домов для причта и др. Так, в 1956 г. на территории церкви пос. им. Лазо был возведён небольшой домик [8. Д. 2. Л. 52], в г. Белогорске построена церковь вместимостью до 100 чел. До этого община размещалась в арендованном частном доме [7. Д. 2155. Л. 13]. В 1958 г. на молитвенном здании г. Сучан установили главы с крестами, устроили колокольню [8. Д. 14. Л. 31], на территории церкви г. Благовещенска построили хозяйственные помещения [7. Д. 1044. Л. 8, 9]. В целом, к 1958 г. православные общины на Дальнем Востоке РСФСР и в стране смогли восстановить и отремонтировать культовые здания, укрепить материальное положение. Росту доходности приходов способствовала активная деятельность духовенства, привлекавшего большое количество почитателей, а вместе с ними – и пожертвований. Данная позиция, на наш взгляд, объяснялась материальной заинтересованностью служителей культа, а также их стремлением после периода гонений, многочисленных запретов найти своё место в советском обществе.

Однако лояльное отношение к Русской Православной Церкви, способствовавшее укреплению и росту её авторитета в обществе, стало рассматриваться главой государства Н.С. Хрущёвым как нарушение ленинских принципов в религиозном вопросе, как проявление сталинизма. Наступление на религию логично вписывалось и в контекст решения глобальной партийно-государственной задачи – строительства коммунизма, предполагавшего освобождение сознания людей от религиозных предрассудков и суеверий [9. С. 145].

Свою роль сыграло и разочарование в результатах внешнеполитической деятельности Русской Православной Церкви с точки зрения государственных интересов. В итоге, сторонники жёсткой линии в партийном аппарате получили дополнительные аргументы для вывода о нецелесообразности продолжения прежней церковной политики [10. С. 39]. Постепенное свёртывание активной международной деятельности Церкви началось с 1956 г. Посольства стран народной демократии в СССР перестали приглашать её иерархов на дипломатические приемы, руководство Православной Церкви не было представлено к награждению Международной Ленинской премией «За

укрепление мира между народами»[4]. В списке, опубликованном 1 января 1958 г., не было имени ни одного иерарха. В газете «Известия» «забыли» сообщить о встрече митрополита Николая (Ярушевича), возглавлявшего отдел внешних церковных сношений Московской патриархии, с представителями общественных организаций Англии, прибывшими в Москву [3. Д. 227. Л. 4, 14, 22]. На наш взгляд, существовала веская причина подобных действий: готовившаяся антирелигиозная кампания не должна была получить широкой огласки за рубежом, т. к. вызвала бы негативную оценку деятельности советского руководства.

Смена курса директивно проявилась с 4 октября 1958 г., когда было принято секретное Постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»», требовавшее начать наступление на религиозные пережитки в сфере идеологии [11. С. 120]. С выходом 16 октября 1958 г. Постановлений Совета министров СССР №1159 «О монастырях в СССР» и №1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений» началось наступление на экономические позиции Церкви: увеличение налогов на продукцию свечных заводов, землю, находившуюся в пользовании монастырей, было призвано подорвать материальное благополучие мощной религиозной организации.

Новый политический курс повлиял на финансовое положение религиозных объединений и духовенства в Дальневосточном регионе. В 1959 г. Иркутское епархиальное управление было вынуждено оказать материальную помощь религиозной общине г. Белогорска [5. Д. 18. Л. 13], пос. Магдагачи Амурской области [3. Д. 283. Л. 54]. Планы по поддержанию слабых приходов нарушило указание председателя Совета по делам Русской Православной церкви при Совете министров СССР (далее – Совет по делам Русской Православной Церкви) Г.Г. Карпова, требовавшего выдавать дотации только в порядке исключения [3. Д. 255. Л. 93].

Данная позиция объяснялась тем, что в стране уже началась кампания по насильственному расторжению договоров с объединениями верующих на пользование культовыми зданиями. Первой под удар на Дальнем Востоке попала Успенская церковь пос. им. Лазо Приморского края. Культовое здание пытались закрыть ещё в 1950 г., когда по причине малодоходности оно осталось без священника. Реализовать задуманное смогли в ходе антицерковной кампании. Используя опыт 1930-х гг., районные власти санкционировали собрания трудящихся, требовавших передать школе молитвенное здание. Инициативу поддержал Приморский крайисполком, который 9 сентября 1959 г. принял решение о закрытии Успенской церкви. Просьба архиепископа Иркутского и Читинского Вениамина (Новицкого) о

[4] Присуждалась за выдающиеся заслуги в борьбе за мир. Учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1949 г. как Международная Сталинская премия. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1956 г. переименована в Международную Ленинскую премию.

защите прав верующих, направленная в Приморский крайисполком, осталась без ответа. Однако тот факт, что решение исполнялось в ночь с 20 на 21 октября 1959 г. с применением угроз, насилия, оскорблений священника и верующих, заставляет усомниться в том, что закрытия Успенской церкви требовало большинство жителей посёлка. Хотелось бы отметить, что Совет по делам Русской Православной Церкви счёл доводы краевой власти убедительными и 27 ноября 1959 г., без дополнительных уточнений, принял решение о снятии религиозной общины с регистрации «… как не имевшей помещения» [8. Д. 4. Л. 125, 126].

Стали приниматься жёсткие меры и в отношении общины г. Сучан. Первая попытка её ликвидации была предпринята ещё в 1949 г., когда после ареста священника горисполком запретил деятельность культового здания, сославшись на то, что под ним проходила галерея шахты, «угрожавшая обвалом». Разрешения на строительство нового здания «на безопасном месте» верующие смогли добиться только в 1952 г. В январе 1959 г., ссылаясь на нарушение плана строительства, Сучанский горисполком потребовал снять с храма купола и разобрать колокольню. Приморский крайисполком, куда обратился церковный совет и члены общины, запретил вмешиваться в дела церкви [8. Д. 14. Л. 12 – 14, 31]. Невзирая на запрет, администрация г. Сучан опечатала культовое здание, а священник, активно сопротивлявшийся действиям власти, был арестован. Руководство Совета по делам Русской Православной Церкви осудило действия представителей местной власти [6. Л. 34]. Именно огласка событий, на наш взгляд, помешала осуществить план ликвидации ещё одной православной общины на Дальнем Востоке РСФСР. Определённую роль сыграло также то, что антирелигиозная кампания в стране только начиналась. Так, в 1959 г. в СССР были закрыты 316 культовых зданий, а в 1960 г. – уже 1436 [2. С. 443], в РСФСР – 72 и 258, соответственно [3. Д. 263. Л. 2, 46].

В 1961 г. руководство Совета по делам Русской Православной Церкви приняло решение о проведении единовременного учёта зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании верующих. Одновременно с исполнением этих требований представители советских и партийных органов продолжили антирелигиозный курс. Так, только в учётном году на территории РСФСР были сняты с регистрации 216 православных обществ, в том числе в пос. Магдагачи Амурской области. Закрыть материально слабый приход облисполком предлагал ещё в июле 1960 г. Первоначально Совет по делам Русской Православной Церкви посчитал вопрос несвоевременным, но в 1961 г. решение поддержал [3. Д. 486. Л. 114, 115]. На Дальнем Востоке России осталось действовать 9 православных объединений.

Среди снятых с регистрации могла оказаться и община г. Владивостока. В октябре 1961 г. горисполком принял Решение «О сносе Свято-Никольской церкви без предоставления помещения». В ответ на многократные ходатайства членов церковного совета, прихожан городские власти предложили здание

полуразрушенной казармы, находившееся в 10 км от города. Вот как описывалось верующими её месторасположение: «Поблизости на несколько километров никакого признака жилья, нет телефонной связи, нет воды. Один автобус ходит крайне редко и не может вместить всех пассажиров» [8. Д. 2. Л. 105, 109, 110]. Перенос сюда Свято-Никольской церкви привёл бы к затуханию жизни прихода, т. к. большинство прихожан являлись пожилыми людьми и были не в силах совершать 10-километровые паломничества. Кроме того, резкое снижение посещаемости привело бы к потере доходов и, как рассчитывали городские власти, к самоликвидации общины. Только активная позиция верующих граждан помешала власти закрыть ещё один православный приход в Приморском крае.

В СССР процесс ликвидации культовых зданий продолжился. С 1958 г. (начала антирелигиозной кампании) к 1 января 1962 г. были закрыты 24% молитвенных зданий. Сведения о результативности действий власти омрачала статистика о повсеместно действовавших незарегистрированных православных объединениях. Только на Дальнем Востоке РСФСР к началу 1962 г. действовали 8 православных общин и групп (5 – в Хабаровском крае, 2 – в Камчатской области, 1 – в Магаданской) [12. С. 124]. В Постановлении Совета по делам Русской Православной Церкви от 2 ноября 1962 г. местным органам власти предписывалось провести все необходимые мероприятия по прекращению их деятельности [3. Д. 486. Л. 40].

В рамках антирелигиозной кампании с целью искоренения «сталинского наследия» развернулась работа по исполнению требований Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В 1940-е гг. ряд положений этого документа, например, о статусе священника в приходе, был изменён в интересах Русской Православной Церкви. Гарантом внесённых поправок выступило государство. Так, Положение «Об управлении Русской Православной Церковью», передавшее право управления приходами, проверки культового имущества и денежных сумм настоятелю, было утверждено Постановлением СНК СССР от 28 января 1945 г.

Требования об отмене изменений, внесённых в законодательство о культах 1929 г., опирались на Постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах» и Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». С точки зрения государства, инициатива должна была исходить от высших иерархов Церкви. С этой целью 31 марта 1961 г. патриарха Алексия I и постоянных членов Священного Синода пригласили в Совет по делам Русской Православной Церкви, где им было рекомендовано внести поправки в Положение «Об управлении Русской Православной Церковью». Данное требование было исполнено на архиерейском Соборе, состоявшемся 18 июля 1961 г. [13. С. 126, 130]. С этого времени началась полномасштабная реформа приходского управления.

В культовых зданиях, в том числе Дальнего Востока РСФСР, духовенство отстранялось от руководства финансово-хозяйственной деятельностью, эти

полномочия передавались исполнительным органам общины – приходским советам. В их состав вводились «специально подобранные люди», работавшие в интересах органов власти. Так, «свои люди» стали снижать цены на свечи, просфоры и другие предметы церковной утвари, продажа которых составляла основной доход дальневосточных церквей. Если за 1960 г. религиозными общинами г. Хабаровска были перечислены Иркутскому епархиальному управлению 35 тыс. руб., то за 1961 г. – только 19 тыс. руб. [5. Д. 20. Л. 21, 22]. Данные меры способствовали ослаблению материальных позиций культовых зданий, позволяли усилить контроль над духовенством. Перестройка церковного управления, в соответствии с действовавшим законодательством о культах 1929 г., на Дальнем Востоке РСФСР была полностью завершена в 1964 г. [5. Д. 24. Л. 8].

К этому времени духовенство значительно снизило свою активность. Особенно этому способствовала работа по устранению благотворительной деятельности Церкви, запрещению исполнения треб и обрядов на квартирах и в домах верующих. В соответствии с Инструкцией по применению законодательства о культах 1961 г., духовенству было оставлено право проведения единственного обряда по просьбе умирающего. С 1962 г. развернулась работа по переводу служителей культа на низкие твёрдые оклады, размеры которых не зависели от количества совершённых обрядов. Руководство Совета по делам Русской Православной Церкви подчёркивало, что такая мера может иметь эффект только в приходах, имевших высокие доходы; «… там, где они малы, и священнослужители сами бегут из церквей, переводить их на твёрдый оклад нецелесообразно» [3. Д. 453. Л. 4, 6].

На духовенство, в первую очередь, тех, кто выступал против мероприятий государства, оказывалось не только материальное, но и административное давление. В 1960 г. за проведение религиозной пропаганды «среди верующих, отошедших от церкви», был снят с регистрации священник Христорождественской церкви г. Хабаровска [5. Д. 19. Л. 17, 18], в 1961 г. «… за нарушение законодательства о культах» – священник Александро-Невской церкви г. Хабаровска [5. Д. 21. Л. 13]. Снятие приходского духовенства с регистрации производилось на неопределенный срок, без права быть зарегистрированными вновь на данной территории. Вопросы назначения и освобождения часто решались органами местной власти без учёта мнений исполнительных органов религиозных объединений [8. Д. 27. Л. 66, 67]. Так, игнорируя ходатайства церковного Совета Свято-Никольской церкви г. Владивостока, в 1962 – 1963 гг. без объяснения причин были отклонены восемь кандидатур священников [8. Д. 3. Л. 72].

Снятие с регистрации, отстранение служителей культа от административных обязанностей позволяло создавать условия для закрытия молитвенных зданий и ликвидации объединений верующих. С целью упрощения этой процедуры Президиум Верховного Совета СССР принял Указ от 19 декабря 1962 г. «О внесении изменений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»». С этого момента

ответственность за закрытие культовых зданий возлагалась на представителей органов местной власти. Совету по делам Русской Православной Церкви оставалось только согласовать принятые местными исполкомами решения о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, открытии и закрытии молитвенных зданий [3. Д. 360. Л. 16].

Несмотря на применение названных мер в отношении Русской Православной Церкви, её влияние на общество оставалось заметным. Верующие граждане страны приходили в культовые здания. Процесс совершения обрядов продолжился. Если в 1959 г. в РСФСР были совершены 705 тыс. обрядов [3. Д. 263. Л. 49], то в 1963 г. – более 1 млн., в 1964 г. – более 970 тыс. [3. Д. 567. Л. 19]. Данная статистика свидетельствовала о том, что, в целом, интерес к религии сохранился. Имевшее место сокращение количества обрядов (а самый низкий показатель был зафиксирован в культовых зданиях Приморского и Хабаровского краёв) явилось следствием масштабного наступления на Церковь и верующих.

Таким образом, начало «оттепели», могло стать временем дальнейшего развития и совершенствования государственно-церковных отношений в СССР. После XX съезда КПСС (1956 г.) казалось, что решение главы государства – Н.С. Хрущёва – отойти от идеологических догм и тоталитаризма навсегда освободит советских граждан от ежеминутного страха за свою жизнь, станет гарантом реализации конституционных прав на свободу совести. Однако тенденции «оттепели», напротив, явились основой для проведения государственного курса на вытеснение религии из жизни общества, что сказалось на положении православных объединений и духовенства Дальнего Востока страны. Проведённая кампания существенно отличалась от политики власти конца 1920-х – 1930-х гг. В её рамках не проводилось масштабных репрессий против духовенства и верующих, что позволяло и первым и вторым отстаивать и противопоставлять свою позицию действиям власти. В то же время, избранный государством антирелигиозный курс позволил поставить под жёсткий контроль деятельность православных приходов и духовенства Дальнего Востока РСФСР.

Литература и источники:

1. Одинцов, М. И. Государство и Церковь в России : XX век / М. И. Одинцов. – М. : Луч, 1994. – 170 с.

2. Митрохин, Н. Епископы и епархии Русской Православной Церкви / Н. Митрохин, С. Тимофеева. – М. : Панорама, 1997. – 456 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 472; Там же. – Оп. 2. – Д. 180, 227, 255, 263, 283, 453, 486, 567; Там же. – Оп. 6. – Д. 360.

4. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. П-68. – Оп. 34. – Д. 812.

5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. Р-1359. – Оп. 3. – Д. 4; 18 – 21, 24.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. П-556. – Оп. 15. – Д. 57.

7. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. Р-114. – Оп. 2. – Д. 1044, 2155.

8. ГАПК. – Ф. Р-1578. – Оп. 1. – Д. 2, 3, 4, 14, 27.

9. Чумаченко, Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 24. – 2008. – № 15. – С. 138 – 149.

10. Чумаченко, Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР. 1943 – 1965 гг. : автореф. дисс. … д-ра ист. наук / Т. А. Чумаченко. – М., 2011. – 51 с.

11. Гераськин, Ю. В. Русская Православная Церковь, верующие, власть (к. 30-х – 70-е гг. XX в.) : монография / Ю. В. Гераськин. – Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. – 272 с.

12. Дударёнок, С. М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций. 1960 – 1980-е годы / С. М. Дударёнок // Россия и АТР. – 2005. – № 2. – С. 123 – 124.

13. Горанский, А. О. Подготовка и осуществление реформы приходского управления 1961 г. в Белоруссии / А. О. Горанский, С. В. Мандрик // Вестник церковной истории. – 2003. – № 3. (11). – С. 124 – 140.